

Е.В. Дрынкина (Москва, Россия)

Крымский текст и национальный образ мира в повести И.С. Шмелева «Солнце мертвых»

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие крымского текста применительно к автобиографичной повести И.С. Шмелева «Солнце мертвых» (1923). Уделяется внимание изображению многонационального пространства Крыма; описание представленных в повести народов (русские, татары, греки, украинцы) соотносено с понятием «национальный образ мира». Подробно анализируется интерпретация Шмелевым менталитета крымских татар в контексте религиозных приоритетов, деталей пейзажа, быта, еды, внешнего облика. Проводятся межэтнические параллели на уровне сюжетных линий, обнаруживаются точки пересечения культур разных народов. Сделан вывод о сходстве судеб персонажей разных национальностей, их противопоставленности красноармейцам-карателям, чьи характеристики вненациональны.

Ключевые слова: крымский текст, национальный образ мира, космологос, этнокультура, автобиографизм

E.V. Drynkina (Moscow, Russia)

The Crimean Text and the National Image of the World in I.S. Shmelev's Story "The Sun of the Dead"

Abstract: The article discusses the concept of the Crimean text in relation to the autobiographical story of I.S. Shmelev "The Sun of the Dead" (1923). Attention is paid to the image of the multinational space of Crimea; the description of the peoples represented in the story (Russians, Tatars, Greeks, Ukrainians) is correlated with the concept of "national image of the world". Shmelev's interpretation of the mentality of the Crimean Tatars is analyzed in the context of religious priorities, details of the landscape, life, food, and external portrait. Interethnic parallels are drawn at the level of the storylines of the characters, points of intersection of cultures of different peoples are found. The conclusion is made about the similarity of the fates of characters of different nationalities, their opposition to the Red Army punishers, whose characteristics are non-national.

Key words: Crimean text, national image of the world, cosmologos, ethnoculture, autobiography

Автобиографичная повесть И.С. Шмелева «Солнце мертвых» (1923) является примером крымского текста, типология которого рассмотрена А.П. Люсым¹. В.В. Курьянова определила крымский текст как «семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире»² и подчеркнула, что его формирование происходит «в определенный историко-культурный период под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма»³. Впервые спроецировала крымский текст на «Солнце мертвых» Н.М. Солнцева⁴. В статье «Крымский текст в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева» она отметила, что «произведение Шмелева не только отвечает параметрам крымского текста, но в силу своей документальности, по степени лирического восприятия исторических событий, по уровню обобщения материала может претендовать на кульминационный текст в художественном осмыслении истории Крыма»⁵.

Крымский текст в «Солнце мертвых» формируется изображением быта и бытия крымчан в годы Гражданской войны, пространственными архетипами солнца, моря, пустыни, гор, центральной мифологемой пути. Названные мотивы и образы соотносят конкретно-историческое пространство Крыма с вневременным библейским. В литературоведении типология крымского текста появилась вслед за петербургским текстом, описанным В.Н. Топоровым. В художественных произведениях Крым, подобно Петербургу, – «двуполусное»⁶ пространство, включающее аспекты жизни (солнечная Таврида: А.С. Пушкин «Отрывки из путешествия Онегина», 1833) и смерти (мрачная Киммерия, открывающая путь в Аид: М. Волошин «Киммерийские сумерки», 1907–1909), синхронические и панхронические смыслы. Об «особом чувстве агональности»⁷ Крымского побережья вследствие сочетания Эроса и Танатоса писал и А.П. Люсий. В «Солнце мертвых» мотив утраченного счастья (сады, обращенные в пустыню) совмещен, с одной стороны, с мотивом надежды на духовное возрождение, что коррелирует с отмеченной В.Н. Топоровым идеей «преодоления смерти»⁸ через смерть и «достижения более высокого уровня духовности»⁹, с другой, – с мотивами голода, смерти невинных, утраты нравственных ориентиров.

Пространство Крыма в повести – многонациональный мир, воспроизведенный с учетом особенностей этнокультуры. До написания «Солнца мертвых» Шмелев изучил татарский фольклор и Коран, освоил 12 томов «Энциклопедии Крыма», о чем писал О.А. Бредиус-Субботиной: «<...> мало было видеть Крым: я прочитал 12-томную Энциклопедию Крыма (все о нем и татарах)»¹⁰. В объектив биографического героя, от лица которого ведется повествование, попадают не только русские люди, но и греки, итальянцы, турки, татары, армяне, украинцы. Каждого

¹ Люсий А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.

² Курьянова В.В. Крымский текст в творчестве Л.Н. Толстого: монография. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. С. 5.

³ Там же. С. 5.

⁴ Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество: Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.

⁵ Солнцева Н.М. Крымский текст в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева // Stefanos: [сборник научных работ] памяти А.Г. Соколова. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 118.

⁶ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 8.

⁷ Люсий А.П. Крымский текст в русской литературе. С. 133.

⁸ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. / Предисл., подгот. текста и коммент. О.В. Лексиной, С.А. Мартыановой, Л.В. Хачатурян. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 279.

герой видит в его национальной специфике: татарин предстает в памяти рассказчика меднокожим, с корзинами фруктов на бедрах, армянин – «шумливым плутом»¹, продающим чадры, турки – «широкими», «крепкожилыми» (40).

В повести отражен, по определению Г.Д. Гачева, национальный образ мира – «особая структура общих для всех элементов»² (ценностей), явленная через призму миропорядка определенной народности. В речи рассказчика встречается татарская лексика, тогда как греки, татары, украинцы говорят по-русски, сохраняя национальный акцент. Лингвистическая неоднородность Крыма связана с взаимопроникновением культур вследствие длительного проживания разных народностей на одной территории.

Иногда люди иной национальности кажутся враждебными русскому рассказчику, что происходит во многом в силу всеобщего голода. Так, подчеркнута физиологично изображены в повести греки: «худые горбоносые лица злобны, голодные зубы до жути белы» (34). В гневе они призывают рассказчика самому убить кур, которые кормились посаженной ими в котловане пшеницей. Несмотря на жадность и жестокость греков, автор подчеркивает трагичность их положения: в том, что наступил голод, нет вины этих людей.

В подавляющем большинстве эпизодов актуализируется общечеловеческое начало, заложенное в представителях любой национальности. Так, фраза одного из греков «Все памирать будим!..» (34) созвучна словам «одетой оборванкой» (61) русской женщины «Все, значит, помирать скоро?» (62), старого татарина «Про-пал “алекум”, как все!» (148).

Шмелев, проживающий во время написания «Солнца мертвых» в Европе, передает национальный образ мира европейцев конца 1910-х – начала 1920-х гг.: они ездят в экипажах, ходят в театры «в соболях с чужого плеча и в бриллиантах» (45); гуляют мимо булочных, полных караваев, по улицам, на которых «победно гремят оркестры» (46). Автор отмечает внешний либерализм европейцев (Великие Книги о правах человека) и подчеркивает их фактическое равнодушие по отношению к голодающей России.

При изображении азиатского мира Шмелев также пользуется антитезой *сытость – голод*. Автор контрастно представляет турецкую землю по отношению к русской: «Вправо – Босфор далекий, Стамбул Великий. Там горы хлеба и сахара, и брынзы, и аравийского кофе, и баранов...» (39); «Влево – земля родная, кровью святой политая... Съедено, выпито, выбито все. Иссякло» (39). Татары, проживающие на территории Крыма, ощущают свое родство не с русскими людьми, а с турецким Кемаль-Пашой. Они верят, что он освободит Крым от большевиков, и жизнь снова станет сытой. Однако, несмотря на принадлежность к восточному менталитету и мусульманской вере, татары и турки предстают разными народами с непохожими судьбами: жизнь турок для «прижухнувшихся» (38) татар – недостижимый идеал заморской сытой жизни. Татары, как русские, голодают, страдают от репрессий. А.М. Эмирова справедливо отмечает, что в «Солнце мертвых» «оба мира – русский и татарский – равно трагичны: и там и тут голод, и там и тут смерть от рук большевиков»³.

¹ Шмелев И.С. Солнце мертвых / Ст. А. Солженицына. М.: Время, 2018. С. 39. Здесь и далее текст цитируется по данному изданию, номера страниц указаны в скобках.

² Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М.: Академия, 1998. С. 17.

³ Эмирова А.М. «Солнце мертвых»: крымскотатарская тема в творчестве И.С. Шмелева // Брега Тавриды. 1995. №4–5. С. 213.

Шмелев, изображая жизнь русских татар, акцентирует внимание на общечеловеческих ценностях. К воротам рассказчика прибегает «чумовой» (246) татарин, который продает коня за бесценок, чтобы прокормить семью. Убить животное он не в силах так же, как не может убить доктор любимую курицу покойной жены. Подобная параллель прослеживается в образах русской женщины и татарина: с одной стороны – «замызганная баба с драной травяной сумкой, <...> одуревшая от невзгоды» (41), с другой стороны – пожилой татарин, «угрюмый, рваный», которому теперь «и соли купить не с чем» (41). Оба голодны, растеряны, разочарованы новой властью, которая представлена людьми вне национальности – «без родины – без причала» (41). Таковы сытый «полупьяный красноармеец» с «ведерным бочонком у брюха» (41) и большевик Шура-Сокол, который «порозовел, округлился» (55), пока другие умирают от голода.

В ряде эпизодов греки и татары описаны более предприимчивыми и обеспеченными, чем русские. Так, грек-торговец предложил старой барыне за ее хрустальное ожерелье всего три фунта хлеба, а на вопрос о совести ответил, что для него важнее «простой коммерческий расчет» (116). «Самый правоверный» (176) татарин обманул учительницу Прибытку, не заплатив за уроки орехами и ячменем, хотя сам накануне резал барашка. Татары в повести сохраняют «дикарство», что подтверждается фактом каннибализма: крымский татарин съел жену, казанские татары человечину «за говядину признают» (107).

Жизнь татар маркирует картину мира Крыма. В «Солнце мертвых» есть множество лексем с определением «татарский»: татарская груша, татарские постолы, татарские кони, татарский дом. Г.Д. Гачев ввел понятие «национальный космологос»¹, состоящий из космоса – миропорядка, который творит каждый народ из единого хаоса бытия (нижние этажи), и логоса – национального мышления (верхние этажи). В «Солнце мертвых» широко представлены «нижние этажи» татарского национального космологоса, к которым относятся, по мнению исследователя, «природа, быт, дом, одежда, пища»². Так, в повести встречаются общетюркские или специфически татарские обозначения реалий национального быта: мечеть, минарет, набат, зурна, чабан, кошара. Также в произведении представлены названия татарских национальных блюд: баранина, чебуреки, брынза, катык, бекмес; татарской национальной одежды: чадра. Кроме того, дан этнический портрет татар: крепкое телосложение, смуглая кожа, глаза горной птицы (218). Природа также является значимой составляющей татарского национального образа мира. А.Т. Аблаева отмечала: «Величественная крымская природа: горы, ущелья, долины, реки, – в лоне которой сформировались коренные народы Крыма, <...> позволяет наиболее полно раскрыть крымскотатарский мир»³. Городок у моря, в котором живет герой «Солнца мертвых», окружен горами: лесной Бабуган и голая Куш-Кая, Чатырдаг, Демерджи, Кагель. Горы, «благостные, суровые – покровители храбрых» (133), дают укрытие бежавшим из плена горцам. В речи татар перемежаются экзотизмы (шайтан, якши, селям алекюм) и искаженные русские словоформы, например: «Тыква кушал. Вот. Мука вез сын Мемет... Пропап на горах два мешка мука. Плоха» (218). В тексте не всегда точно отражена татарская фонетическая норма, что подчеркивает иноприродность татарского мира русско-

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. С. 10.

² Там же. С. 10.

³ Аблаева А.Т. «Чужая земля татарская»: крымскотатарский мир в творчестве И.С. Шмелева // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. № 2. С. 20.

му рассказчику. Как писала А.М. Эмирова, «трудно согласиться с формами “клеба” (не соблюден закон выкидки), “козьяй” (не соблюден закон редукции гласных), “пожалуйста” (<...> замена “л” твердого на “л” мягкий здесь не обусловлена)»¹.

Важной составляющей татарского национального образа мира является ислам. В повести татары изображены верующими людьми: татарин Айбадулин говорит об Аллахе, старичок-татарин молится на коленях в направлении Мекки. Отношения между ними и русским рассказчиком-христианином толерантны. Сам Шмелев в письме к В.В. Вересаеву говорил о том, что среди религий нет главенствующей, поскольку все они ведут к Богу: «Мироощущение на той или иной религиозной основе – условие, без чего нет творчества»². Действительно, в тот момент, когда «пришла <...> пустыня» (247), определяющими становятся не национальность и религиозные различия, а этические принципы, которые стоят за верой.

Не случайно одной из ключевых глав повести становится глава «Жива душа!», в которой татарин Айбадулин приносит рассказчику от старого Гафара фрукты, муку, вино. В связи с этим значим выход героя из кризиса веры через общение с мусульманским миром: «Теперь ничего не страшно. <...> Знаю я: с нами Бог! <...> Из темного угла смотрит, из маленьких глаз татарина» (228). Солнце Правды становится символом Единого Бога. Старый татарин и рассказчик греются у печи под одним огнем-солнцем: «Смотрим, двое – одно, на солнце. И с нами Бог» (228). С Богом связана символика света, побеждающего тьму: «Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети!» (228). Вера утверждает добродетель, страдание объединяет людей, и татары оказываются для героя роднее, чем русские красноармейцы. Так, когда герой узнает о побеге «зеленых» из плена большевиков, среди которых много татар, он искренне радуется их освобождению: «Хоть шестеро жизнь отбили! <...> Будет продолжаться борьба за правду, борьба за душу» (133).

В повести много и украинцев: Степан Коряк, старик Глазков, дядя Андрей, винодел Верба. В тексте фонетически точно передана украинская речь, что отразилось, например, в эпизоде избиения Коряком старика Глазкова: «ховали» (101), «побий мене, Боже» (101), «у сосидий» (101), «чоловика» (101) и т. д.

Дядя Андрей – истинный «делец», хитрый, вороватый, везде ищет выгоду. Внешность его характерна для южан: «смуглый, сутулый, крепкий и – темный весь» (107). Образ дяди Андрея, в целом отрицательный, все же неоднозначный. Ему противопоставлена в повести русская женщина Марина Семеновна Прибытко, которая благодаря трудолюбию собственными силами управляет с домашним хозяйством. Она видит в дяде Андрее человека своего круга – «оба хозяева искони» (174), прекрасного работника, но «испоганившегося» (188). Образ украинца дяди Андрея по-своему трагичен: в конце жизни его избивают до полусмерти за воровство, а Марина Семеновна предстает перед ним вечной укоризной за его грех (кража и убийство козла Бубика). На обвинения женщины в том, что он «добил» ее внуков, оставив их в зиму без пропитания, он отвечает: «Не я добил... а нас всех доби́ли...» (253). В конце жизни дядя Андрей приходит к осознанию того, что он пошел по ложной дороге, променяв честный труд на воровство и контрабанду. Героев примиряют нравственные ориентиры христианской веры. Марина Семеновна прощает его: «Душа-то православная...» (253). Судьбы украинца

¹ Эмирова А.М. «Солнце мертвых»: крымскотатарская тема в творчестве И.С. Шмелева. С. 215.

² «Последний мой крик – спасите!..» (Письма И.С. Шмелева В.В. Вересаеву 1921 г.) / Публ. Н.Б. Волковой // Встречи с прошлым: Вып. 8. / Гл. ред. Н.Б. Волкова. М.: РГАЛИ, Русская книга, 1996. С. 181.

дяди Андрея и русской женщины Марины Семеновны представляют два пути человека в условиях тотального голода и расчеловечения.

Как и борьба за общечеловеческую правду, не имеет национальности материнская любовь. Рассказчик вспоминает старую мать-татарку, которая выпросила – «выбила головой у камня» (121) – у палачей тело забитого шомполами сына-офицера. С глубокой авторской эмпатией описан ее тихий плач над телом сына. Старуха Юрчиха схоронила сына, моряка-лейтенанта, убитого большевиками, и теперь слушает море – «как дышит мальчик» (185).

Итак, в «Солнце мертвых» изображены люди разных национальностей, объединенные общим горем. В описании характеров русских, татар, греков, украинцев Шмелев выявляет различия бытовых культур, материальной обеспеченности, воли к самосохранению, менталитета, но цель описания этноментальных специфик – показать изначальную и сформированную религией, культурой потребность любви к ближнему.

ЛИТЕРАТУРА

Аблаева А.Т. «Чужая земля татарская»: крымскотатарский мир в творчестве И.С. Шмелева // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. № 2. С. 19–22.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М.: Академия, 1998. 429 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.

Курьянова В.В. Крымский текст в творчестве Л.Н. Толстого: монография. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 220 с.

Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.

Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество: Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.

Солнцева Н.М. Крымский текст в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева // Stefanos: [сборник научных работ] памяти А.Г. Соколова. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 115–130.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.

Шмелев И.С. Солнце мертвых / Ст. А. Солженицына. М.: Время, 2018. 272 с.

Эмирова А.М. «Солнце мертвых»: крымскотатарская тема в творчестве И.С. Шмелева // Берега Тавриды. 1995. № 4–5. С. 213–215.

И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. / Предисл., подгот. текста и коммент. О.В. Лексиной, С.А. Мартыяновой, Л.В. Хачатурян. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 760 с.

«Последний мой крик – спасите!..» (Письма И.С. Шмелева В.В. Вересаеву 1921 г.) / Публ. Н.Б. Волковой // Встречи с прошлым: Вып. 8. / Гл. ред. Н.Б. Волкова. М.: РГАЛИ, Русская книга, 1996. С. 165–194.

REFERENCES

Ablaeva A.T. "Foreign Tatar land": The Crimean Tatar World in the Work of I.S. Shmeleva. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*. 2016. Vol. 26. No 2, pp. 19–22.

Gachev G.D. (1998) *National Images of the World: A Course of Lectures*. Moscow. Academia Publ. 429 p.

Gachev G.D. (1999) National Images of the World. Eurasia is the Space of a Nomad, a Farmer and a Highlander. Moscow. Institute DI-DIK Publ. 368 p.

Kuryanova V.V. (2015) Crimean Text in the Works of L.N. Tolstoy: monograph. Simferopol. Business-Inform Publ. 220 p.

Lusy A.P. (2003) Crimean Text in Russian Literature. St. Petersburg. Aleteia Publ. 314 p.

Soltseva N.M. (2007) Ivan Shmelev. Life and Work: Biography. Moscow. Ellis Luck Publ. 512 p.

Soltseva N.M. The Crimean text in the “The Sun of the Dead” by I.S. Shmelev. In: Stefanos: [collection of scientific works] in memory of A.G. Sokolov. Moscow. MAKS Press. 2008. pp. 115–130.

Toporov V.N. (2003) Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works. St. Petersburg. Art-SPB Publ. 616 p.

Shmelev I.S. (2018) The Sun of the Dead / Article of A. Solzhenitsyn. Moscow. Vremya Publ. 272 p.

Emirova A.M. “The Sun of the Dead”: The Crimean Tatar Theme in the Work of I.S. Shmelev. *Brega Tavridy*. 1995. No 4–5, pp. 213–215.

I.S. Shmelev and O.A. Bredius-Subbotina: A novel in Letters: In 2 vols. / Foreword, preparation of the text and comments by O.V. Leksina, S.A. Martyanova, L.V. Khachaturian. Vol. 1. Moscow. Rossijskaya Politicheskaya Enciklopediya Publ. 2003. 760 p.

«My last cry – save!..» (Letters from I.S. Shmelev to V.V. Veresaev, 1921) / Publication by N.B. Volkova. In: Meetings with the Past. Issue 8 / Ch. ed.: N.B. Volkova. Moscow. RGALI, Ruskaya Kniga Publ. 1996, pp. 165–194.

Сведения об авторе:

Екатерина Викторовна Дрынкина,
бакалавр
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Drynkina,
Bachelor's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
devekater@yandex.ru